

УСТРОЙСТВО ВХОДА-ВЫХОДА В ЖИЛЫХ ПОСТРОЙКАХ КУЛЬЁГАНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА КАК ЭЛЕМЕНТ ДОМОСТРОИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Е.А. Юдина

На примере памятников кульёганского культурного типа рассмотрены возможности использования планиграфического анализа распределения фрагментов керамики как дополнительного источника информации для реконструкции элементов жилой планировки. Намечены пути поиска локальных вариаций в рамках предполагаемого культурного стереотипа.

Кульёганский культурный тип, эпоха бронзы, планиграфический анализ, домостроительная традиция, жилище, внутренняя планировка, устройство входа-выхода, локальные культурные различия.

Впервые гребенчато-ямочная керамика, отнесенная впоследствии к кульёганскому типу, была обнаружена на Барсовой Горе разведкой УАЭ в 1968 г. Термин для ее обозначения был предложен позже, в 1995 г., В.И. Стефановым и В.А. Борзуновым после открытия подобных древностей на реках Быстрый Кульёган и Моховая [Стефанов, 2002, с. 109; Чемякин, 2008, с. 43–44].

К кульёганскому культурному типу исследователи относят древности раннего этапа бронзового века (первая половина — середина II тыс. до н.э.) на территории Сургутского Приобья, реже — более удаленных территорий. Известны крупные и малые поселения, одиночные дома, в том числе укрепленные. Среди устойчивых характеристик объектов указываются каркасно-столбовая конструкция построек, неглубокий прямоугольный котлован, устройство выходов (в виде дверных проемов в одной из стен или выступающих наружу крытых тамбуров) и очагов (открытые кострища, нередко на песчаных возвышениях). Главным диагностическим критерием отнесения памятника к кульёганскому типу служит керамическая посуда. Это толстостенные сосуды, изготовленные из рыхлого шамотного теста, плоскодонные, удлинённых баночных форм, с плоским венчиком, орнаментированные по всей поверхности, включая срез венчика и дно. В орнаментации преобладают оттиски гребенчатого штампа, ямочные наколы, некоторые сосуды украшены желобками. В верхней части сосудов нередко присутствуют зигзаговые узоры, выполненные в различной технике [Стефанов, 2002, с. 110; Чемякин, 2008, с. 44–45].

В настоящее время к кульёганскому типу отнесено более трех десятков памятников. В то же время статус выделенного культурного образования остается спорным. Длительный процесс стихийного формирования понятия и отбор подразумеваемого под ним содержания, от изучения коллекций с ограниченной территории (урочище Барсова Гора) до распространения на удаленные памятники, привел к некоторому размыванию лежащих в основе выделения типа критериев. Предложив общую характеристику кульёганских древностей, коллектив исследователей отметил, что за этим понятием может скрываться нечто большее, чем просто тип памятников или керамики [Стефанов, 2002, с. 109–111].

Данная статья не предполагает собственно рассмотрения обозначенной ситуации. Тем не менее приведенные далее планиграфические наблюдения не только позволяют получить информацию об объектах. Они представляются особенно актуальными именно в связи с указанной проблемой некоторой «культурной неопределенности» (хотя предложенный метод может быть полезен и при анализе менее «проблемного» материала). По этой причине кратко остановимся на некоторых общих моментах методико-методологического характера, от которых будем отталкиваться.

О каком бы культурном образовании ни шла речь, его проявления, в том числе в материальной сфере, не могут быть механически сведены к одному «диагностическому» признаку. Оно неизбежно порождает множество характерных маркеров, которые могут сменять либо дополнять друг друга в зависимости от конкретного исторического контекста, восстановить который

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

не всегда удается даже при наличии письменных свидетельств. Отдельно взятая категория источников может отражать линию «субкультурную», что прекрасно показано в том числе на археологических материалах [Lang, 2005], длительное время сохраняться в качестве своеобразного реликта. Отсюда — необходимость работы с максимальным количеством данных, которые, как сетка с различной ячейкой, помогают «улавливать» культурные изменения, нашедшие отражение на разных уровнях и в разной форме. Такая работа помогает вычленивать элементарные составляющие искомого «культурных границ» — говорим ли мы о поиске локальных вариаций в рамках типа или разделении ошибочно объединенных самостоятельных традиций.

Это положения очевидные, хотя на археологических материалах их не часто удается наглядно проиллюстрировать в силу плохой сохранности источников, иногда ограничивающих возможности исследования одной-двумя категориями находок. Возвращаясь к памятникам кульгганского культурного типа, нужно отметить, что связанные с ними коллекции артефактов редко отличаются представительностью. Сами исследуемые объекты (постройки различного назначения) не всегда позволяют провести полноценную реконструкцию, выходящую за пределы констатации общих показателей, в которых сложно выявить некую культурную специфику. Тем не менее мы постараемся подойти к поиску альтернативных источников «культурно значимой» информации именно с этой стороны.

В этнографии жилище рассматривается как одна из ярких составляющих традиционной культуры, а его планировка — как устойчивый и «чуткий» элемент, нередко упоминаемый среди «этнодифференцирующих». Поскольку значительная часть интерьера и конструктивных особенностей построек в процессе археологизации разрушается, зачастую не оставляя достаточных следов для реконструкции, восстановление обобщенных планировочных схем жилых помещений приходится проводить по косвенным данным, и среди прочих — по планиграфии фрагментов керамики, являющейся основной частью комплекса находок интересующих нас памятников.

Планиграфический анализ подразумевает изучение взаиморасположения объектов либо их фрагментов, представляющих собой некое логическое единство (например, относящихся к одному горизонту, одной постройке, памятнику и т.д.). Метод в равной степени применяется при анализе распределения и каменных артефактов, и других категорий находок, в том числе керамических изделий [Глушков, 2011; Жульников, 2003, с. 70–74; Рыжкова, 1993; Усачева, 2005; и др.]. Материал, из которого изготовлен тот или иной предмет, определяет как его использование, так и наиболее характерные «метаморфозы» после его выхода из актуальной культуры. Для керамики специфической оказывается корреляция между размерными показателями фрагмента, местом (относительно элементов конструкции и зон повышенной либо пониженной активности обитателей) и глубиной (относительно уровня земляного пола либо уровня обитаемой дневной поверхности) залегания².

В качестве источников было выбрано три памятника, отнесенных исследователями к кульгганскому культурному типу: селище Барсова Гора II/19 (объект 1), поселение Чернореченское I (объекты 1 и 15) и селище Савкинская Речка I. Состояние всех трех памятников к моменту начала раскопок оценивалось как аварийное, что известным образом сказалось на характере полученного материала. Мы сосредоточили внимание на одном из относительно устойчивых для кульгганских объектов элементов: особым образом организованных выходах. С одной стороны, достаточно сложная, повторяющаяся на ряде памятников конструктивная деталь сама по себе привлекает внимание и начинает восприниматься как отличительная черта построек культурной традиции; с другой — она реконструируется не на всех объектах, что автоматически намечает некую внутреннюю дифференциацию.

Селище Барсова Гора II/19, жилище 1

Селище находится в одноименном урочище, в 14–15 км к северо-западу от г. Сургута. В 2008 г. на памятнике был заложен раскоп площадью 88 м² (раскопки Е.Н. Дубовцевой) [Дубовцева и др., 2010]. Культурный слой на всей площади раскопа был сильно поврежден. В ходе работ исследована центральная часть жилища 1 кульгганского типа эпохи бронзы: в пределы раскопа не вошли северо-западный и юго-восточный углы постройки. Котлован объекта имел правильную прямоугольную форму и был ориентирован длинными сторонами по оси север — юг. Его размеры составляли 6,2×5,3 м. Высота стенок варьировалась от 40–45 см в северной

² В связи с характером и степенью сохранности источников мы будем работать прежде всего с первыми двумя характеристиками.

Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа...

части постройки до 30–35 см в южной части (из-за общего наклона древней поверхности). Очаг размерами 1,2×1,2 м находился в центре жилища. Определение места расположения выхода по данным полевых исследований оказалось затруднено.

В качестве объекта планиграфического анализа использовалась выборка находок по дну жилища и реконструируемой древней дневной поверхности. Визуально в постройке выделяется одно крупное скопление находок, занимавшее центр западной половины котлована (рис., 1).

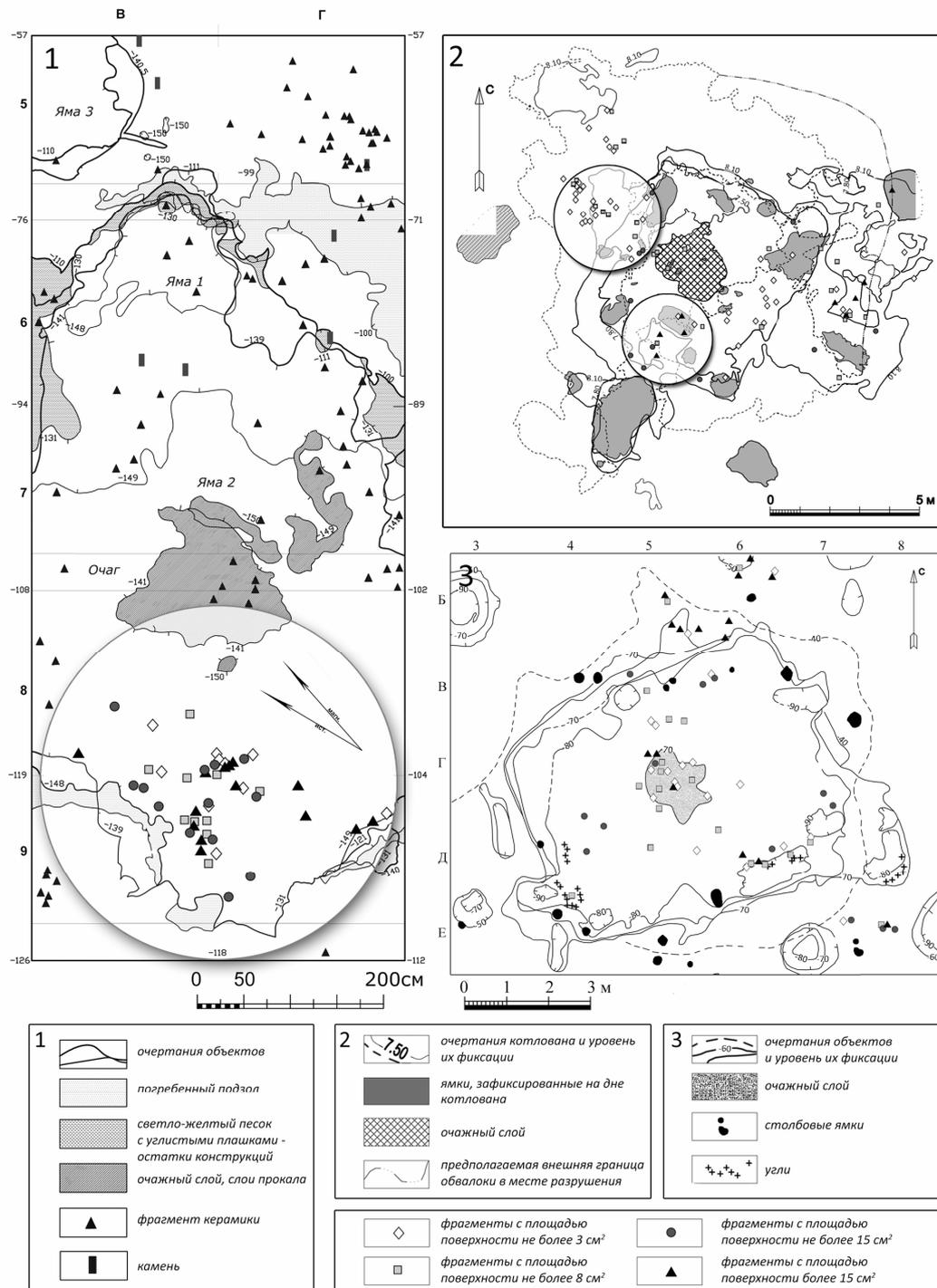

Рис. Распределение фрагментов керамики различных размерных групп по площади жилых построек: 1 — селище Барсова Гора II/19, жилище 1; 2 — селище Савкинская Речка 1; 3 — поселение Чернореченское I, жилище 1.

Рассмотрение составляющего скопления материала по отдельным размерным группам фрагментов позволяет несколько конкретизировать его структуру³. Первая группа включает фрагменты, с площадью поверхности не более 3 см², которые маркируют зоны повышенной активности. Эти фрагменты относительно равномерно распределены вдоль западной стенки за исключением юго-западного угла (здесь, у самой стенки, залегает единственный осколок). Следующая группа включает фрагменты площадью не более 8 см² — это своеобразный размерный максимум для активно эксплуатируемых зон (прежде всего — активного передвижения обитателей). Зона залегания этих фрагментов отчасти повторяет локализацию находок предыдущей группы, вписывается в нее, занимая ее южную часть. Площадь фрагментов, входящих в следующую, третью группу, не превышает 15 см². Для фрагментов этой группы можно предположить незначительное (возможно, непродолжительное) механическое воздействие. Зона их залегания несколько смещается к югу. При этом читавшаяся ранее достаточно четко южная граница скопления «размывается». Фрагменты последней, четвертой группы, предположительно не испытывавшие сколько-нибудь серьезного физического воздействия, «очерчивают» юго-западный сектор постройки, образуя две полосы, расположенные почти под прямым углом друг к другу.

Формально выделяется три варианта «связей» по фрагментам: между осколками, залегавшими за пределами постройки; осколками, залегавшими как внутри, так и за пределами постройки; «связи», локализованные в пределах жилища. Для нас наибольший интерес представляет третий вариант: почти все они ограничены западной половиной жилища. Кроме того, именно здесь сконцентрирована наибольшая часть «связей» по подклеивающимся фрагментам. Стоит отметить: скопление в юго-западном секторе, его «границы», пространство вокруг очага и вдоль стенок котлована маркированы фрагментами разных сосудов, т.е. указанные выше закономерности характеризуют не ситуацию поломки конкретного изделия, а более продолжительные процессы, протекавшие в помещении постоянно либо периодически.

Попытаемся объяснить такое пространственное распределение материала. Очевидно, мы наблюдаем естественную для приочажной зоны картину: примыкающие к очагу участки равномерно покрыты мелким керамическим крошевом, которое образовалось здесь в результате постоянных активных действий и перемещений. Непосредственно к западу от очага картина примерно такая же. По мере приближения к юго-западному сектору количество чуть более крупных фрагментов (до 8 см²) увеличивается, однако фрагменты и первой, и второй групп, т.е. демонстрирующие достаточно высокую степень механического воздействия, весьма четко очерчивают некий разрыв в юго-западном углу. Вероятно, граница распределения фрагментов этих групп совпадает с границей некой зоны покоя, в которой сохранились самые крупные фрагменты (очевидно, что-то защищало их сверху). Ее расплывчатость, а также наличие связей между двумя фрагментами, залегавшими на разных сторонах-«гранях» разрыва в скоплении, говорят о том, что на уровне пола преграда не была непроницаемой. О том же косвенно свидетельствует наличие в юго-западном секторе фрагментов третьей размерной группы: очевидно, как и несколько более мелкие, они могли отлететь сюда в результате непродолжительного воздействия.

В соответствии со всем вышеописанным можно предположить наличие в юго-западном секторе невысокого помоста — ступеньки. Видимо, помост был стационарным, по крайней мере, его расположение в жилище было постоянным либо изменялось не часто. Вероятно, именно с ним связана некоторая неровность западной стенки котлована: помост мог несколько выдаваться в этом направлении. Его присутствие объясняет и хорошую сохранность фрагментов на этом участке (концентрация здесь «связей» между подклеивающимися фрагментами). Интересно также, что скопления на других участках мешали обитателям значительно больше и почти все образуют «связи» второго типа, в которых, очевидно, нашел отражение процесс целенаправленного удаления фрагментов за пределы жилища.

Реконструированное оформление юго-западного угла постройки можно рассматривать в качестве одного из возможных устройств входа-выхода. В таком случае мы можем предполагать существование в жилище 1 неуглубленного выхода, смещенного к углу котлована, с дополнительным элементом в виде деревянной ступеньки.

³ Основанием для группировки послужили экспериментальные данные по процессам археологизации керамики в различных условиях [Глушков, 1996, с. 87–91; Юдина, 2009, 2011]. Было выделено четыре размерных группы: до 3; до 8; от 8 до 15; свыше 15 см².

Поселение Чернореченское I, жилища 1 и 15

Поселение находится в административной черте г. Сургута, на правом берегу р. Черной — притока Оби. Памятник расположен в непосредственной близости от садоводческого товарищества «Газовик-2», что неблагоприятно отразилось на его сохранности: часть объектов поселения погибла под садовыми участками [Косинская, 1998, с. 87–94]. Двумя раскопами площадью 164 и 152 м² в 1993–1994 г. были исследованы жилищные впадины 1 и 15 (раскопки Л.Л. Косинской).

Котлован жилища 1 (глубиной 0,5–0,6 м) имел форму прямоугольника размером 7,5×5-6 м, длинной осью ориентированного с юго-запада на северо-восток. Очаг — открытое кострище располагался посреди углубленной части постройки. Выходы располагались в западной и северной стенках, ближе к юго-западному и северо-восточному углам котлована. Западный вход, обращенный к реке, представлял собой короткую прямоугольную канавку, отделенную от котлована углистой полосой — остатками деревянного порога. Вторым выход — неуглубленный прослеживался в виде «языка» культурного слоя на уровне древней поверхности и был обращен на север [Косинская, 1998, с. 91].

Прямоугольный котлован жилища 15 имел размеры 6,5×4,5–5,4 м, глубину 0,35–0,4 м и был ориентирован длинными сторонами по оси север — юг. Расположение и устройство выходов реконструируется аналогично объекту 1: западный в виде короткой канавки и северный неуглубленный, смещенные к углам котлована. У стенки котлована перед северным выходом зафиксирована невысокая земляная ступенька, заканчивающаяся следами деревянного порога. Автором раскопок высказано предположение о возможной сезонной специализации двух выходов, поскольку рядом с северными неуглубленными выходами обоих жилищ, в отличие от западных углубленных, на древней дневной поверхности залегала керамика [Косинская, 1998, с. 93–95].

Отдельно отметим, что коллекция памятника была обработана достаточно давно. Поэтому все «связи» по ремонту уже были восстановлены, фрагменты подклеены, что во многих случаях затруднило корректное измерение площади отдельных черепков.

В качестве объекта планиграфического анализа использовалась выборка по дну жилища и реконструируемой древней дневной поверхности. В нее вошла почти вся керамика, связанная с объектом 1. В заполнении котлована зафиксировано менее 10 фрагментов. Один фрагмент залегал несколько выше уровня дна в районе реконструируемого «порога» углубленного западного выхода (на данном участке это была единственная находка керамики).

Выборку по дну визуально можно разделить на три скопления: вокруг очага, перед юго-восточной нишей, у северного выхода (рис., 3). В очаге залегала керамическая крошка (площадь фрагментов менее 3 см²), что объясняется его постоянным активным использованием. Несколько чуть более крупных фрагментов приурочены к ямкам, расположенным по краям очага с севера и юга (возможно, это основание стоек надочажного устройства). Вокруг очага пространство практически свободно от находок, на расстоянии около 1 м от него фиксировалось «кольцо» мелких (площадью не более 8 см²) черепков плохой сохранности. Таким образом, мы наблюдаем типичную картину естественного распределения материала в приочажной зоне жилого помещения [Юдина, 2009, с. 62]. «Кольцо» разрывается только к северо-западу от очага (в направлении предполагаемого места отдыха), что можно трактовать как свидетельство, во-первых, более редких перемещений от костра в указанном направлении, а во-вторых, наличия на этом участке некоей преграды для перенесения бытового мусора. Последнее предположение подкрепляется близостью материкового останца, который, вероятно, служил для разделения помещения на две части [Косинская, 1998, с. 91].

Второе скопление — полоса находок, протянувшаяся на расстоянии около 0,5 м перед стенкой котлована в районе юго-восточной ниши. Оно включало разные по размеру фрагменты (в том числе с площадью поверхности более 15 см²) различной степени сохранности. Можно предполагать, что оно формировалось постепенно и факторы его образования действовали одинаково на разные размерные группы осколков. Такие условия могли сложиться при наличии в данном углу стационарной перегородки на уровне пола, изолирующей пространство вдоль стенки котлована (деревянные нары, отгороженное место для хранения чего-либо и т.д.). Логично предположить, что в организованный таким образом угол помещения была включена и юго-восточная ниша.

Отдельно стоит упомянуть наличие фрагментов от тех же сосудов, что залегают в самом скоплении, уже за пределами постройки, на расстоянии более 1 м от его юго-восточного угла. Поскольку находок вокруг жилища немного и они в основном локализуются в районе северного выхода, указанные осколки сразу обращают на себя внимание. Тем более что среди них численно преобладают крупные фрагменты, которые вряд ли были перемещены сюда случайно, в результате многократного ненаправленного механического воздействия. Скорее всего, они маркируют край неуглубленной части постройки либо лежат за ее пределами, отмечая в таком случае еще один участок, где существовал если не выход, то нечто наподобие дымового/светового окна либо иной способ сообщения с пространством за пределами жилища.

Третье крупное скопление находок локализовано у северного выхода и охватывает как участок внутри котлована, так и пространство за его пределами — на уровне древней дневной поверхности. В котловане оно представляет собой такую же узкую полосу находок на расстоянии около 0,5 м от стенки. Точно указать размер залегающих здесь черепков невозможно в связи со сложностью, возникшей при замере склеенных фрагментов. На расстоянии около 40–50 см от полосы есть еще одно маленькое скопление. Судя по глубинам залежавших здесь находок и их небольшим размерам, его возникновение связано с локальным понижением (утоптанность перед выходом?).

На уровне дневной поверхности залегают крупные фрагменты, что говорит, скорее, об их целенаправленном перемещении на этот участок (случайным образом попасть сюда фрагменты из котлована не могли, по крайней мере в таком количестве). Можно предположить, что их переносили в процессе очистки жилища к краю постройки, оставляя на незначительном удалении от выхода (вероятно, подразумевая их вторичное использование).

«Связи» по фрагментам сосудов маркируют в основном два направления перемещения материала: от очага к северному выходу либо от очага в сторону юго-восточной ниши. Первое направление, очевидно, соответствует наиболее частым перемещениям в жилище (от хозяйственной зоны к выходу), в том числе вектору целенаправленного выноса бытового мусора. Второе направление предположительно маркирует сходные процессы, однако не столь частые и интенсивные. Если основная хозяйственная деятельность протекала между очагом и северным выходом, то второе направление становится менее актуальным и находит слабое отражение в выбранном материале уже в силу меньшей вероятности поломки здесь глиняной посуды.

Подведем итог. Несмотря на принципиальную возможность перемещения керамики к западному выходу (один фрагмент туда все же попал), этот участок остается пустым от находок. По этой причине выбранный метод анализа не дает никаких дополнительных данных для его реконструкции. В рассмотренном случае, однако, это также значимый результат. Поскольку материалы полевых исследований позволяют вполне однозначно реконструировать на этом участке выход, его отсутствие в планировочной схеме, восстанавливаемой по распределению керамических фрагментов, означает, что он использовался тогда, когда наиболее активная хозяйственная деятельность перемещалась из жилища в другое место. Например, на площадку перед постройкой, что возможно в теплое время года. Это возвращает нас к предположению о сезонной специализации выходов, которая, таким образом, получает дополнительное обоснование и несколько конкретизируется.

Северный выход соответственно становится автоматически «осенне-зимним», что логично увязывается с его местом в планировочной схеме помещения: он более удален от зоны отдыха, да еще и отгорожен от нее очагом (а возможно, и перегородкой, приуроченной к материковым останцам). Характер залегания находок внутри котлована позволяет предполагать использование (так же как и перед западным выходом) дополнительных деревянных конструкций — ступеньки (ступенек?), пандуса или помоста, выступавшего примерно на 0,5 м от края котлована. Вероятно, в данном случае (в отличие от устройства выхода в жилище 1 селища Барсова Гора II/19) конструкция плотно стояла на дне котлована, не оставляя зазора для попадания под нее осколков керамики, т.е. конструктивно была решена по-другому. Что характерно, аналогичная ситуация фиксируется и в юго-восточном углу котлована. Возможно, функционально она объясняется несколько иначе, но формально можно предполагать ее сходное конструктивное решение (т.е. речь может идти о некоем стандарте).

Материал *объекта 15* оказался менее благодарным: связанная с ним коллекция численно невелика, а замеры большинства осколков были затруднены из-за того, что реконструкция сосудов уже была произведена.

Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа...

В выборку по дну и уровню погребенной дневной поверхности вошла вся коллекция керамики, соотносимая с объектом. Большого разброса фрагментов нет: осколки, как крупные, так и мелкие, лежали на незначительном расстоянии друг от друга (почти все подклеиваются) и от стен котлована. Условно выделяется два аморфных скопления: у северо-западного и юго-восточного угла помещения. Связей с фрагментами за пределами постройки нет, в центре котлована керамики тоже практически нет. Иными словами, планиграфия фрагментов керамики не дает оснований реконструировать интенсивную, постоянную и направленную деятельность в постройке: осколки почти не расталкивались и не дробились, за пределы котлована не перемещались (ни случайно, ни специально). Все эти факты наводят на мысль о специализированном характере постройки (возможно, даже не жилым). В любом случае, новой информации по устройству и использованию выходов из объекта планиграфический анализ не дает.

Селище Савкинская Речка I

Селище находится в Нижневартовском районе ХМАО — Югры, в 5,3 км к юго-востоку от п.г.т. Излучинск, на левом берегу р. Вах — правого притока Оби. Состояние памятника к началу раскопок оценивалось как аварийное: в процессе прокладки трассы трубопровода была уничтожена восточная часть селища. Раскопом общей площадью 408 м² был вскрыт единственный уцелевший объект, частично перекрытый переотложенным грунтом (раскопки С.А. Мызникова). Это объясняет нарушения культурного слоя памятника, а также специфику полученной коллекции: часть артефактов соотносится с объектом, часть — с перекрывающим его песком, перемещенным в том числе с разрушенной части селища [Мызников и др., 2012, с. 60].

В процессе раскопок исследованы остатки углубленной каркасно-столбовой жилой постройки. Размеры прямоугольного котлована (глубиной до 1 м) составили 6,7×6,5 м. Основание стен, вероятно, было удалено от краев котлована на расстояние 1,5–2 м, общие предполагаемые размеры постройки составляли около 9,5×12 м. В центре котлована находился напольный очаг, вход в виде тамбура — с юго-западной стороны. По мнению исследователей, возможно несколько вариантов интерпретации восточной части объекта: неуглубленная часть жилища, пристройка либо переход, если жилище было двухкамерным и его восточная половина не сохранилась [Мызников и др., 2012, с. 61].

В связи со спецификой коллекции в выборку попали не все фрагменты: значительное их количество найдено в переотложенном грунте — керамическое крошево и достаточно крупные фрагменты, видимо, изъятые целыми скоплениями и перемещенные на незначительное расстояние.

Самое крупное скопление керамики залегало на уровне древней дневной поверхности, к западу от края котлована (рис., 2). Состояло оно в основном из очень мелких фрагментов (площадь большинства не превышает 3 см²). При этом глубина их залегания заметно варьируется: общий разброс по вертикали достигает 30–35 см. На расстоянии 1,3–1,4 м к северу от этого скопления находилось еще одно, аналогичное по составу, но гораздо меньших размеров. И первое, и второе скопления пространственно совпадают с «языком» культурного слоя, отходящим от котлована в западном направлении.

У той же западной стенки, но уже на уровне дна котлована фиксировалось еще одно небольшое скопление: неширокая полоса находок, включавшая осколки разных размеров (в том числе весьма крупные, до 15 см²). Она шла под углом к стене котлована, начинаясь на расстоянии около 0,7 м и заканчиваясь почти вплотную к ней, совпадая с полукругом столбовых ямок.

Данная планиграфическая ситуация находит ряд аналогий с описанной для привходового участка жилища 1 селища Барсова Гора II/19, а также северного выхода объекта 1 поселения Чернореченское I. Принципиальным отличием, на наш взгляд, являются размерные показатели находок, формирующих основное скопление. С одной стороны, ввиду столь малых размеров маловероятно сознательное перемещение сюда этих осколков как бытового мусора. С другой — значительный перепад высот между дном котлована и уровнем неуглубленной части постройки исключает вариант случайного перемещения сюда такого количества черепков.

Первое возможное объяснение описанной ситуации: мы наблюдаем знакомую по другим памятникам картину удаления крупных обломков с пола жилища к выходу. На самом краю котлована действительно встречена пара более крупных фрагментов сосудов, остальные части которых залегают на дне постройки. Такие «связи» немногочисленны: большая часть фрагментов настолько малы, что их сложно отнести к конкретной емкости. Последующее измельчение

материала может объясняться сменой функции участка. Например: выход перестает функционировать, и участок перед ним, без предварительного выноса материала, перекрывается чем-то жестким.

Второе возможное объяснение — измельчение материала уже в процессе археологизации или еще позже, в период частичного разрушения памятника. Последнее предположение связано с тем, что выше основного скопления встречались фрагменты, относящиеся к переотложенным сосудам (хотя в процессе раскопок следов нарушений на этом участке зафиксировано не было).

Наконец, третий вариант: фрагменты были перемещены сюда уже измельченные и, вероятно, не со дна котлована. Это предположение связано с тем, что основную часть скопления образуют фрагменты сосудов, от которых нет материала в самом котловане (за единичными исключениями, когда обломки того же сосуда лежат сразу под западной стенкой). Напомним также, что глубина залегания фрагментов здесь сильно варьируется. Перемещение могло произойти как во время функционирования постройки, так и после, в процессе нарушения культурного слоя. В первом случае это могла быть песчаная подсыпка внутрь постройки или снаружи, на ее основание. При этом попавший сюда вместе с песком материал мог как относиться к периоду функционирования того же жилища, так и иметь иное происхождение. Как мы помним, селище предположительно состояло не из одного объекта; вполне возможно, что время функционирования некоторых из них сильно различалось, так что песок мог быть взят с участка, использовавшегося ранее⁴.

Других крупных скоплений в постройке не было. В очаге керамика почти отсутствовала (за исключением единичных мелких фрагментов, приуроченных либо к краю кострища, либо к зафиксированной в нем ямке, очевидно, от стойки надочажного устройства). На расстоянии около 1 м вокруг очага читалось «кольцо» разрозненных керамических осколков, маркирующих зону активной хозяйственной деятельности.

Самые крупные фрагменты залегали рядом с южным выходом: по краям материкового останца-ступени, расположенной перед ним ямы, а также на самом останце. Последний момент свидетельствует, что песчаный останец должен был иметь жесткое перекрытие (как вариант — деревянное), обеспечившее сохранность попавших сюда осколков.

Выводы

В жилище 1 селища Барсова Гора II/19 место расположения выхода изначально определить не удалось. Результаты планиграфического анализа фрагментов керамики позволили предполагать, что он располагался в южной стенке постройки (ближе к юго-западному углу). Судя по всему, он был неуглубленным и имел дополнительное оформление в виде стационарной ступеньки (ступенек/пандуса/уступа) размерами примерно 0,5×0,4 м. Поскольку иных следов существования элемента не осталось, можно допустить, что он был изготовлен из какого-то органического материала, например древесины. Точнее реконструировать его устройство по имеющимся данным не удастся. Можно только констатировать, что он не представлял собой глухую непроницаемую преграду на уровне самого дна, поскольку под него периодически попадали фрагменты керамики.

В жилищах 1 и 15 поселения Чернореченское I по материалам раскопок сразу было реконструировано два выхода, смещенных к углам постройки (в обоих случаях — углубленный с западной стороны и наземный с северной), в оформлении которых фиксировался как минимум деревянный порог (а в жилище 15 еще материковый уступ-ступенька). Планиграфический анализ подтвердил сезонную специализацию выходов в жилище 1, а также позволил предполагать наличие деревянной конструкции шириной около 0,5 м перед его неуглубленным северным выходом. Здесь же было зафиксировано планомерное удаление крупных фрагментов керамики с пола котлована на привходовой неуглубленный участок.

Общая планировочная схема постройки с селища Савкинская Речка I остается пока не совсем ясной (особенно если принять предположение о двухкамерности постройки). На данный момент можно говорить о наличии двух выходов. Первый, южный — углубленный, имел довольно сложное оформление привходовой зоны (материковый останец, перекрытый деревян-

⁴ Отчасти это коррелируется с характеристикой некоторых «проблемных» сосудов в коллекции [Мызников и др., 2012, с. 66–67].

Устройство входа-выхода в жилых постройках кульёганского культурного типа...

ным настилом, перед которым зафиксирована глубокая яма — углубление для установки опоры?). Второй выход, обращенный на запад, был наземный. В пределах котлована фрагменты керамики очерчивали перед ним некую преграду (под которую, впрочем, периодически попадали обломки посуды). Для крепления реконструируемого элемента, очевидно, использовался ряд стоек-опор, следы которых шли полукругом вдоль стенки котлована на расстоянии около 0,5 м от нее.

Сопоставим полученные по нескольким объектам результаты.

На всех рассмотренных объектах подтвердились строительные стереотипы, характерные для построек кульёганского культурного типа: это наземные выходы и коридорообразные углубленные выходы⁵. Более того, по материалам рассмотренных памятников можно говорить о том, что своеобразным стереотипом является именно *наличие двух выходов различной конструкции*. На селище Барсова Гора II/19 углубленный выход зафиксирован не был. Стоит, однако, учитывать, что, во-первых, в связи с плохой сохранностью материала даже наземный выход был реконструирован по данным планиграфии находок, а в случае сезонной специализации (по примеру объектов на поселении Чернореченское I) «летний» выход в распределении фрагментов керамики читаться не будет; во-вторых, часть постройки не попала в пределы раскопа. Пример объекта с селища Савкинская Речка I подтверждает существование сходной традиции на кульёганских памятниках даже на более удаленных от Сургутского Приобья территориях.

С другой стороны, более тщательный анализ одного элемента планировки и конструкции позволяет выявить значительное количество вариаций. Так, *расположение выходов* может варьироваться, и если для памятников Сургутского Приобья можно предполагать использование типичного «углового» обустройства выходов, то вахская постройка демонстрирует иной вариант расположения выходов — по центру стен. Однако в ней, как и в объектах с поселения Чернореченское I, одинаково реализовано взаимное расположение выходов — на смежных сторонах постройки.

Ориентировка выходов относительно ближайшего элемента гидросети различается. В обеих чернореченских постройках (даже предположительно нежилой, специализированной) явно читается стандартизированное расположение выходов (вне зависимости от ориентации самой постройки: углубленный выход — к реке, неуглубленный — параллельно руслу). Аналогично расположение выходов и в савкинском объекте. А вот на барсовогорском в сторону реки обращен единственный реконструированный, неуглубленный выход.

Еще один стереотип — *использование деревянных конструкций при оформлении привходового устройства* (причем, опять же по материалам поселения Чернореченское I, в постройках различного назначения). Конкретные способы обустройства выхода в деталях, а возможно, и конструктивно различались. Однозначно об этом говорить сложно, ибо ни в одном случае привходовая конструкция полностью не реконструируется. По косвенным признакам можно предполагать, что в барсовогорской и савкинской постройках деревянные элементы не были глухо закреплены на дне, т.е. оставался зазор между ними и дном котлована. В савкинской постройке это, судя по всему, было решено за счет использования отдельных опор, поддерживавших деревянное перекрытие. Перед ее южным углубленным выходом был сохранен и материковый останец. Аналогичное устройство углубленного выхода реконструировано в объекте 15 поселения Чернореченское I. Другие выходы в объектах данного поселения, судя по всему, так же укреплялись деревянными элементами, которые во всех случаях оказывались непреодолимой преградой на пути бытового мусора (видимо, их крепление отличалось от того, что использовалось на Барсовой Горе и Савкинской Речке).

Иными словами, при более подробном анализе отдельного элемента конструкции и планировки, с одной стороны, подтверждается некий общий строительный стереотип (по крайней мере, это оказалось справедливо для рассмотренных объектов, причем даже для тех, где изначально этот стереотип не выявлялся), с другой — в рамках этого стереотипа проявляются вариации. Различаются конкретные конструктивные решения, местоположение элемента в общей планировочной схеме и т.д. Мы не всегда можем их уловить, даже с привлечением дополнительных источников информации, однако в тех случаях, когда они намечаются, они могут стать отправной точкой для сопоставления и поиска культурных различий.

⁵ Более полная их реконструкция, на наш взгляд, пока затруднена. Однако можно отметить, что во всех случаях в районе неуглубленных выходов фиксировался длинный и четкий «хвост» находок, что позволяет предполагать для них более сложное устройство, нежели проем в стене.

Очевидно, что в нашем случае объем рассмотренного материала недостаточен для выводов и обобщений по проблеме конкретного культурного образования; впрочем, задача исследования была иной: попробовать уловить различия (потенциально — культурно значимые) и границы по «альтернативным» источникам и наметить дополнительные пути их поиска на уровне отдельных комплексов. Часть перечисленных моментов, несомненно, может быть продиктована конкретными природными факторами и т.д. Это, однако, не отменяет их способности периодически служить также культурными маркерами для того или иного образования либо фоном для развития культурных вариаций, не всегда заметных исследователю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Глушков И.Г. Индивидуальная фиксация и интерьерно-планиграфические особенности жилых комплексов // Игорь Геннадьевич Глушков: Сб. избр. ст. Сургут: РИО СурГПУ, 2011. Ч. 2. С. 200–202.
- Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 221–240.
- Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 200 с.
- Косинская Л.Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 87–102.
- Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: Новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 62–70.
- Рыжкова О.В. Использование метода связей для социальных реконструкций: (По материалам поселения Ташково II) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 170–180.
- Стефанов В.И. Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова Гора», 2002. С. 97–112.
- Усачева И.В. К вопросу о существовании ритуалов жилого пространства и дома в энеолите Приобья // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2005. С. 155–163.
- Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.
- Юдина Е.А. Экспериментальные данные в планиграфических исследованиях: Пространственное распределение фрагментов керамики // Актуальные проблемы истории и археологии: Материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной празднованию 5-летия НСОИИА 14 ноября 2008 г. Шадринск: Изд-во ШГПИ, 2009. С. 58–65.
- Юдина Е.А. Эксперимент в планиграфических исследованиях: (Анализ распределения фрагментов керамики в изучении интерьера жилых построек) // Шестые Берсовские чтения: Сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 182–185.
- Lang V. Archaeological cultures and ethnic history: Some examples from the East Baltic Early Iron Age // Culture and material culture: (Papers from the First theoretical seminar of the Baltic archaeologists (BASE) held at the University of Tartu, Estonia, October 17th–19th, 2003). Tartu; Riga; Vilnius, 2005. P. 11–28.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
kveten@gmail.com

By the example of sites of the Kulyogan cultural type, subject to consideration being a potential of using a planigraphic analysis for distribution of pottery fragments as an additional information source for reconstruction of residential layout elements. The author outlines ways of searching the local variations within the suggested cultural stereotype.

The Kulyogan cultural type, Bronze Age, planigraphic analysis, house-building tradition, dwelling, inner layout, arrangement of the entrance-exit, local cultural differences.